

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ ОСЕТИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. (к юбилею И. Ялгузидзе)

Л. А. ЧИБИРОВ

В дореволюционном прошлом из осетинского народа вышла плеяда выдающихся деятелей национальной культуры, благодаря которым Осетия вырвалась вперед в своем духовном развитии.

Уже во второй половине XVIII в. из Осетии вышло несколько образованных людей. В переводе первой печатной книги на осетинский язык принял участие выходец из Заккинского ущелья священник Павел Генцауров. История сохранила имена природных осетин Неофита и Гамаилеля, Георгия Джатиева и Алексея Табуева. Первые двое получили богословско-философское образование, а другие были знатоками языков (грузинского, осетинского, персидского) и Священного писания. К сожалению, до нас дошли лишь их имена; сведения об их деяниях не сохранились.

Иначе сложилась судьба пятого, Ивана Ялгузидзе, разносторонней деятельности которого посвящена настоящая статья.

У истоков любого значимого события всегда стоит личность, кто-то является первопроходцем, зачинателем. Первый вклад в будущие достижения осетинской народной интеллигенции прочно связан с именем Ивана Ялгузидзе — одного из наиболее образованных осетин своего времени.

Его активная деятельность приходится на первые три десятилетия XIX века. За этот небольшой срок он успел оставить в истории культуры осетинского народа неизгладимый след как первый составитель осетинской графики и букваря, первый переводчик церковных книг с грузинского и русского языков на осетинский, первый осетинский поэт, прогрессивный общественный деятель.

Феномен И. Ялгузидзе не только в том, что он стоял у истоков национальной письменности и литературы, но и в преданности и сыновней любви к родному народу. Начнем с биографии просветителя, которая во многих отношениях оригинальна.

Иван Ялгузидзе сообщает о себе, что родился в 1775 г. и родом и происхождением является осетином. Сохранился документ, который дает важные сведения, в том числе о месте его рождения. Я имею в виду прошение к экзарху Грузии, датированное 7 октября 1826 г., поданное от имени старшины сел. Залда Давида Ялгузидзе-Габарашвили, в котором он просил принять одного из сыновей в Тифлисское духовное училище на казенный счет. И что интересно: под документом за неграмотного Давида подписался Иван Ялгузидзе.

Нетрудно догадаться, во-первых, что Иван писал прошение за своего близкого сородича; следовательно, и он был родом из Залда. Во-вторых, двойная фамилия просителя (Ялгузидзе-Габарашвили) свидетельствует о том, что в тот период еще не была забыто родовое имя (Ялгуз-Алгуз, Агъуызата), хотя уже были в употреблении фамилии (Габарашвили-Гæбæратæ). В третьих, потомство одной из ветвей рода Агъуызатаæ (североосетинское произношение — Æгъуызартæ-Агъуза), сына Ос-Багатара, обосновалось в верховьях р. Б. Лиаква и составило будущие югоосетинские фамилии: Абаевы, Томаевы, Санакоевы, Гаглоевы, Шавлоховы, Габараевы [1]. Для интересующей нас фамилии Габараевых Залда являлось родовым селением: отсюда они распространились по всей Осетии.

В идентичности фамилий Ялгузидзе-Габараевы нет никаких сомнений. Как рассказывали Дз. А. Гуткаеву (в 50-х гг. XX в.) старейшины сел. Залда Давид и Коте Габараевы, они слышали от предков, что во время прихода русских в Южную Осетию их сопровождал однофамилец Давида и Коте, образованный и умный человек, который призывал осетин к спокойствию и все время помогал русским [2, 288]. Нет сомнения — речь шла об И. Ялгузидзе.

От *Æгъуызатæ-Æгъуызартæ* производно и грузинское — Ялгузидзе. В. Миллер, а вслед за ним Х. Ардасенов ошибочно считали род *Агъуызатæ* восходящим к осетинским Багратидам [3, 336; 4, 194], что не соответствует истине; никаких осетинских Багратидов история не знает. В.И. Абаев допускает восхождение рода Агузовых к имени римского императора Августа [5].

Итак, родился Иван в сел. Залда и происходил, как он сам писал, «из природных осетинских дворян». По существу в дореволюционной Южной Осетии лишь фамилия Томаевых официально закрепила за собой принадлежность к дворянству соответствующим документом из Тифлиса. Между тем, социальная верхушка осетин обычно величала себя привилегированными (*уæздæттæ*), не будучи дворянами на деле.

Как явствует из уст самого Ялгузидзе, побывавший в их селении грузинский царь Ираклий II, известный и как просветитель, по просьбе ли отца малыша, Георгия, или по своей собственной инициативе, забирает маленького Ивана в Тифлис и отдает его учиться грамоте [6]. Годы спустя он писал: «Меня привел к себе грузинский царь и я научился грамоте, чтобы оказать содействие моим соотечественникам» [7, 33]. Ираклий II был прогрессивной личностью, уделял много внимания вопросам просвещения, в том числе воспитанию кадров на местах. «В период его царствования, — писал Ялгузидзе, — некоторые из осетинских детей, родители которых принадлежали привилегированной социальной верхушке, брались для подготовки из них грамотных церковнослужителей, способных распространять и укреплять христианство среди

своих соотечественников» [2, 283]. Ялгузидзе был одним из этих отпрысков.

Юноша воспитывался «при дворе царей Ираклия II и Георгия в традициях грузинского книговедения (книгоиздания), грузинского священного писания, грамматики и философии» [8, 101-102]. После прохождения этого курса его определили в Иоанна Крестителя монастырь для обучения грузинской словесности; параллельно он изучал и русский язык; разумеется, не остыл и к родному языку.

Когда мальчику исполнилось восемь лет, по велению царя его отправили в Давид-Гареджийский монастырь. Здесь он получил основательную подготовку, обучаясь грамматике, риторике, физике, литературе. Попечителем и учителем мальчика был священнослужитель Иосиф Карумидзе. Учитель полюбил своего ученика, высоко ценил его любознательность и способности, уделял ему много времени. Впоследствии И. Карумидзе писал о своем ученике: «Царь Ираклий пожаловал мне осетинского мальчика лет 8-ми и повелел указом, чтобы я его обучал чтению, письму и всей учености, каковое повеление государя моего было мною выполнено [9, 533].

Царь опекал молодого осетина и по окончании учения в монастыре обещал хорошо его устроить. Однако высоким покровительством юноша не смог воспользоваться ввиду скорострительной смерти царя. В первое время ему пришлось очень трудно, что видно из его письма к экзарху Грузии: «Не имея для себя пристанища, нуждаюсь в удобном помещении и поэтому осмеливаюсь просить Вас поместить меня с семейством, хотя-бы в каком-нибудь из домов, в ведомстве церковных состоящих. Сие облегчило бы меня и в содержании и в занятиях» [10, ф. 488, д. 513, л. 2].

По непроверенным фактам, он окончил и Тифлисскую духовную семинарию. Окончил он ее или нет, непременно одно: Ялгузидзе получил хорошее образование и стал образованным по мерке того времени человеком.

По окончании курса семинарии (1798) Ялгузидзе был направлен в Душетскую цер-

ковно-приходскую школу, где обучал крестьянских детей чтению и письму на грузинском языке. В 1802 г. он был переведен в Тифлис, где преподавал грузинскую, русскую и осетинскую словесность в духовной семинарии. К учительской деятельности в приходском духовном училище при Тифлисской духовной семинарии он вернулся лишь спустя годы (1820-1822). В архивном документе раскрываются мотивы привлечения Ялгузидзе вновь к учительскому труду: «Так как Ялгузидзе основательный знаток родного и грузинского языков, то с принятием осетинских детей определить его учителем осетинского и грузинского языков» [10, ф. 440, д. 4х1, л. 154]. А вот и объяснение возвращения к учительскому труду самого Ивана: «В феврале месяце 1820 г. определен в Тифлисскую семинарию учителем по классу осетинского и грузинского языков с поручением воспитывать поступивших туда осетинских мальчиков» [10, ф. 488, д. 448, л. 110]. Умер И. Ялгузидзе от холерной эпидемии 5 августа 1830 г., похоронен на кладбище в Авлабарской архангельской церкви в Тифлисе.

В ранге посла и миротворца

Окончание обучения и начало трудовой деятельности Ялгузидзе совпали с важным политическим событием — присоединением Восточной Грузии к России. Ялгузидзе приветствовал этот политический акт, вполне осознав его значение для судьбы горцев.

Перевод Ялгузидзе в Тифлис был вызван тем, что новой русской администрации на Кавказе нужны были кадры из местной интеллигенции, которые бы облегчить процесс вхождения жителей края под русское подданство, содействовать мирному присоединению соотечественников к России. Как писал генерал Паскевич, «осетины при первом появлении в стране русских войск встретили их как избавителей от грузинских феодалов [11, 354]. Когда же утвердилась царская администрация, грузинские помещики поставили своей целью с ее помощью закабалить крестьян Южной Осетии. Но когда царская администрация в

Тифлисе пошла на поводу грузинских феодалов, их надежды не оправдались. Первые практические шаги помещиков в этом направлении незамедлительно вызвали крестьянские восстания, которые охватили всю первую половину XIX века.

В этой сложной ситуации царской администрации на Кавказе нужны были грамотные люди, переводчики и посредники для переговоров с бунтовавшими крестьянами-осетинами. И безальтернативно остановились на кандидатуре Ялгузидзе по следующим причинам. Во-первых, как характеризовали его современники, Ялгузидзе был человеком спокойного характера, благородным, благовоспитанным, в высшей степени способным, просвещенным, в совершенстве знавший осетинский язык. Во-вторых, имело значение и то, что, будучи дворянского происхождения, он воспитывался во дворе Ираклия II. В-третьих, администрация остановила выбор на нем как на человеке, пользовавшемся большим доверием и уважением со стороны осетинского народа. Как отмечал сам Ялгузидзе, «в коронной службе не состоял, и по особой только доверенности... начальства, употреблялся для исполнения разных поручений» [12,56]. В другом документе он говорит своих полномочиях: «По знанию осетинского языка и по известности большей части Осетии был употребляем от начальства на разные поручения и исполнял всегда даваемые мне поручения» [10, ф. 488, д. 448, л. 110-111]. Официально он назывался переводчиком, но, судя по документам, а также доверительному отношению администрации, полномочия его были более широкие; иногда он выступал в качестве судьи.

Как свидетельствуют документы, Ялгузидзе неоднократно командировался в ущелья Южной и Северной Осетии для «вразумления, успокоения и приведения к присяге» «не вполне благонадежно настроенных осетин» [9,582-587]. При этом при приведении крестьян к присяге Ялгузидзе «исполнял разные поручения и с усердием и расторопностью, проходя для сего через снежные горы, покрытые вечным льдом,

подвергая жизнь свою опасности» [7, 312]. За усердную службу администрация в 1802 г. пожаловала ему золотую медаль на красной ленте, а в 1809 г. ему была назначена пенсия в сумме 120 р. в год.

И. Ялгузидзе был убежденным сторонником сближения с Россией. Расценивая его как благо для осетинского народа, он активно помогал делу приведения населения Южной Осетии в русское подданство, способствовал мирному присоединению соотечественников к России, и при этом показал себя как принципиальный и объективный судья. В документах и сборниках этого периода подчеркивается прилежная служба Ялгузидзе. Вот некоторые выписки из них: «Дворянин Иван Ялгузидзе часто был посылаем в Осетию с поручениями начальству по службе, причем, всегда оказывал усердие» [12, 53]; «отличное усердие по службе при уговаривании осетинцев», «усердная служба и для правительства весьма полезная» [12, 153]. Подытожить же эти высказывания хочется словами Главнокомандующего, по мнению которого Ялгузидзе обладал спокойным характером, пользовался популярностью, был благовоспитан, выделялся образованностью, в совершенстве знал осетинский язык и снискал большое доверие своего народа [10, ф. 16, д. 9898, л. 8]. И что важно подчеркнуть: своей «усердной службой» он не ставил целью выслужиться перед царскими чиновниками, а «хотел облегчить тяжелую участь своего многострадального, жестоко эксплуатируемого народа» [4, 185]. Такая помощь была крайне необходима, ибо крестьянские выступления, начавшиеся сразу же после присоединения Грузии к России, подрывали авторитет имперской власти. В документах тех времен отмечается полезность деятельности Ялгузидзе, подчеркивается, что при «неустройствах края усердие подобных людей доставляло правительству способы к достижению предложенной цели» [12, 57]. «Ялгузидзе был послан подполковником Симоновичем к увещанию неблагонамеренных своих сородичей и исполнял перепоручения с желаемым успехом» [12, 229].

О том, что Ялгузидзе сочувственно относился к осетинскому трудовому крестьянству, выступал против произвола помещиков, свидетельствуют и ниже приводимые факты. В 1802 г. состоялась первая экспедиция против взбунтовавших осетинских крестьян, возглавляемая полковником Симоновичем. В ходе усмирения восстания активную роль сыграл Иван Ялгузидзе. Сперва его послали к восставшим крестьянам ущелья Большой Лиахвы и Паца, затем к осетинам, жившим в ущелье р. Малая Лиахва, затем вновь в верховья р. Большая Лиахва и оттуда к жителям Наро-Мамисонской котловины. Цель — склонить осетин к принятию русского подданства. О последней командировке к осетинам жителям ущелья Большой Лиахвы и Наро-Мамисонской котловины правитель Грузии Коваленский писал генералу Кноррингу: «Осетинский переводчик Иван Ялгузидзе, по окончании своей препорученности ко мне явившись, объявил, что подробное описание о числе жителей тех и прочих осетин, а также и другие сведения о них доставлены вместе с присяжными листами к подполковнику Симоновичу, и что жители ущелий Закка, Нар и Зарамаг убедительно просили его о присылке к ним для учения христианскому закону священника» [9, 589]. И последующие поручения он исполнял исправно, несмотря на чинимые князьями Эривани и Мачабели препятствия.

Командированный в район восстания Ялгузидзе видел, каким унижениям и оскорблениям подвергались крестьяне со стороны грузинских помещиков, выяснил факты вопиющего издевательства князей Мачабели и Эривани над крестьянами. Как стало известно, причиной восстания послужило арест нескольких осетинских крестьян. Ялгузидзе обвинил князей, заявив, что они виноваты в начале восстания, и подкрепил слова следующими фактами. Накануне приезда в Джава от Эривани откупилась четыре крестьянина, лишившись всего имущества. В день приезда в Джаву князья вновь арестовали двух осетин. Один из князей Эривани отобрал у одного из них одну лошадь и одну корову и

потребовал еще от него 60 быков. У другого осетина он отобрал трех лошадей. И когда крестьянин принес князю приношение и просил вернуть лошадей, он задержал его и потребовал от него еще двадцать быков. Возмущенный переводчик завершает свою докладную словами: «Кто дал осетинам столько имущества? Неудивительно, — заключает он, — что эти притеснения без законного основания, конечно, их (осетин. — Л. Ч.) будут угнетать...»

В другой раз в докладной от имени обездоленных крестьян Ялгузидзе писал: «От страха не можем ездить по Грузии; не имеем возможности подойти к русским... теперь. Если русские наши хозяева и наши попечители, пусть этих наших людей отпустят сыновья Эристовы и Мачабеловы». Осетины жаловались на князей: «между осетинами и грузинами всякую вражду сеют они» [13, 298].

В другой раз (восстание жителей сел. Кемерта в 1808 г.), изучив причины волнения крестьян, Ялгузидзе удалось вскрыть обстоятельства, приведшие к восстанию, справедливо обвинив в этом капитана Амираджиби, о котором доложил в своей докладной записке [12, 263-266]. За усердную службу и объективное разбирательство дел он был возведен в чин губернского секретаря (1812).

Возлагая большие надежды на русских, Ялгузидзе писал: «это (т.е. устранение притеснений. — Л. Ч.) легко провести руками русских и если все это не исполнять, значит все обманывают» [13].

Таким образом, Ялгузидзе в силу своих возможностей помогал многострадальному народу Южной Осетии и Наро-Мамисонской котловины, оказывал ему поддержку в противостоянии с алчными помещиками. Об отношении Ялгузидзе к простому народу говорят и многочисленные письма, прошения и другие документы, написанные им осетинским и грузинским крестьянам. Разумеется, он не был борцом за социальную несправедливость, но, будучи просвещенцем и гуманным человеком, стремился облегчить страдания трудового народа, исполнял свой сыновний долг пе-

ред соотечественниками в пределах своих возможностей.

Такая же расположенность была к самому Ивану от местного населения, которое верило ему как грамотному человеку и известному в осетинских обществах соотечественнику и охотно принимало его советы о целесообразности и необходимости принятия русского подданства. Он разъяснял горцам-осетинам выгоду присоединения к России. Как прогрессивный деятель своей эпохи, Ялгузидзе осознавал свою роль в деле просвещения народа. Его не соблазняла и административная карьера, о чем свидетельствует письмо горийского окружного начальника Титова и ответ на него экзарха Грузии.

Переводчик

Патриотизм и любовь к отчизне особенно ярко проявились в просветительской деятельности Ялгузидзе. Он был проникнут осознанием своего долга перед народом, из которого он вышел, горел желанием чем-нибудь быть ему полезным.

Выдающаяся заслуга Ялгузидзе перед осетинским народом — в создании для него письменности и первых литературных произведений. Но к ним он пришел не сразу; им предшествовала переводческая деятельность.

Ялгузидзе как духовное лицо был близок экзарху Грузии и выполнял разные его поручения.

Переводческая деятельность Ялгузидзе восходит к 1802 г., когда он, используя грузинскую графику, перевел на родной язык «Положение о временных судах и присягах» и «Положение о ванатском суде». Вот что пишет об этих переводах генерал Кнорринг: «Иван Ялгузидзе переводил учреждения временных судов и присяги с грузинского на осетинский диалект, для чего заимствовал литеру грузинского, чего здесь еще не бывало, поелику осетины знаков для изображения слов своего языка не имеют» [9, 584]. Из этих переводов в ЦГИА Грузии сохранилось лишь «Положение о Ванатском суде». Текст Положения параллельно с грузинским текстом и коммента-

риями подверг научному анализу грузинский академик Г. С. Ахвледиани. Он писал: «Этот первый дошедший до нас осетинский текст Ялгузидзе гражданского содержания и потому в нем нет стереотипных выражений церковных книг» [14, 91].

Россия, заинтересованная в утверждении своего владычества на Кавказе, в частности в Осетии, стремилась закрепить свое присутствие распространением среди населения православного христианства. Эта деятельность осуществлялась через грузинских миссионеров, но не имела ожидаемого успеха из-за незнания ими осетинского языка.

Распространяя христианство, открывая храмы и школы, церковь стремилась сделать проповеди и молитвы более эффективными. Потому в церковных кругах созрела мысль о создании религиозных книг на осетинском языке и чтении проповедей в селах Осетии на том же языке. Так, по просьбе экзарха Грузии Ялгузидзе занялся переводческим делом. И, работая интенсивно, перевел ряд церковных книг на осетинский язык.

Ялгузидзе был весьма обрадован сделанным предложением, ибо то, что ему предлагалось, было и его мечтой, он думал об этом, не зная, с чего начинать: «Влекомый издавна желанием на наречие непросвещенных единоверцев переложить некоторые учебные и духовные книги, не имел ни поощрения, ни нужных способов и не решался приступить к этому немаловажному делу» [10, ф. 139, д. 508, л. 3-4].

Поступив на службу переводчиком в Осетинскую духовную комиссию (1815), Ялгузидзе тем самым принимал участие в миссионерской деятельности по распространению христианства на Кавказе. Трехлетняя деятельность на этом поприще оказалась настолько плодотворной, что ему был присвоен чин губернского секретаря.

Как свидетельствует архивный документ (1819), «Ялгузидзе перевел: утренние молитвы, вечерние молитвы и Катехизис с кратким при нем христианскими поучениями. Эти переводы были изданы одной книгой в Тифлисе в 1820 г. В том же 1820 г.

он перевел с грузинского божественную Литургию (опубликованную в 1821 г. в Москве), затем перевел: последование, крещение, обручение, венчание и погребение, отпечатанные также в Москве [4, 197; 12, 639]. Переводы были напечатаны грузинскими церковными буквами вместе с грузинскими текстами. «Переводы им были сделаны на наречии осетин южного склона Кавказских гор... и были приняты ими с большой радостью и глубокой признательностью» [12, 639].

Среди переводов церковной литературы на осетинский язык особое место занимает «Евангелие» (1821). В отличие от предыдущих переводов, этот перевод был сделан грузинскими светскими буквами. При этом Ялгузидзе отнесся к тексту с большой ответственностью: его интересовала доступность перевода осетинскому слуху. С целью проверки перевода с этих позиций, по согласованию с экзархом он отправился с двумя коллегами (Ш. Эривастави и Г. Бибиловым) в осетинские селения ущелья Малой Лиахви, где устроили проверку следующим образом: «Г. Бибилов читал грузинский текст, сам читал осетинский, а русское Евангелие смотрел Эривастави для самонаиболеей проверки» [10, ф. 448, д. 508, л. 96]. В итоге перевод был одобрен миссионерами и отправлен в Москву для издания; но по невыясненным обстоятельствам при жизни Ялгузидзе рукопись так и не увидела свет.

Азбука и букварь И. Ялгузидзе

Приступая к переводческой деятельности, Ялгузидзе испытал трудности, которые заключались в том, что, во-первых, осетинский язык не имел своей графики, и, во-вторых, не все буквы грузинского алфавита соответствовали фонетике осетинского языка. Но эти трудности преодолевались по мере накопления опыта.

Первоначально Ялгузидзе разработал два алфавита — один на основе грузинской церковной азбуки — хуцури, а другой — на основе знаков грузинского светского письма. В итоге на базе хуцури (с добавлением к нему нескольких букв для специфических

осетинских звуков) им был создан осетинский алфавит. На основе этого алфавита в 1820 г. Ялгузидзе составил первый осетинский букварь, который в следующем 1821 г. был издан в Тифлисе. В последующие годы просветитель дорабатывал и усовершенствовал алфавит и букварь.

По всей вероятности, идея создания букваря была подсказана Ялгузидзе духовным начальством, что видно из его письма к экзарху, с которым был отправлен букварь: «Подносимый при сем осетинский алфавит, содержащий 37 литеров, из них 30 грузинских букв, соответствующих осетинскому выговору, 5 вновь изобретенных, а 2 заимствованных из русского языка... Таким образом, положивши начальное основание письменности осетинского языка, подвергая оное на благоусмотрение вашего высокопреосвященства; и ежели удостоится оное благосклонного вашего внимания, то не благоугодно ли будет напечатать несколько экземпляров букварей для обучения осетинского юношества на природном языке письму и чтению, дабы сим способом проложить им путь к наивысшему образованию» [12, 553].

Так, в 1821 г. впервые в осетинской истории родилась первая азбука на осетинском языке. Одобренные экзархом Грузии азбука и букварь использовались в церковно-приходских школах обеих частей Осетии до появления азбуки на основе русской графики А. Шегрена. По словам священника Н. Самарганова, «осетины с охотой отдавали своих детей священникам и причетникам для обучения их грамоте на родном языке» [10, ф. 139, д. 162, л. 2-4].

После создания букваря Ялгузидзе полностью отдается литературной деятельности: продолжает переводить церковные книги. Переводы Ялгузидзе, как и букварь, имели распространение как в Южной, так и в Северной Осетии: ими пользовались до появления церковной литературы на кириллице.

В 40-е гг. XIX в. появилась знаменитая «Грамматика осетинского языка» одного из зачинателей осетиноведения академика А. Шегрена. Шегрен, хотя и отказался от

графики Ялгузидзе, ввел в разрабатываемый им алфавит некоторые элементы из азбуки своего предшественника, отзываясь о нем как об «умном и почетном» осетине и используя выражения «хороший», «знающий». На вопрос, почему не остановился на алфавите Ялгузидзе и избрал русский, Шегрен дает ясный и убедительный ответ, ничуть не умаляя при этом заслуг своего предшественника: «Мне надобно было также избрать алфавит или русский или грузинский. Соображая как будущую судьбу самих осетин, так и предположительную склонность тех из них к русскому письму, которые знали то и другое, я решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание русский алфавит» [16]. И история осетинского народа подтвердила верность сделанного Шегреном шага. В. Миллер с пониманием отнесся к трудам Ялгузидзе в деле разработки осетинской графики, но, будучи знакомым лишь с переводом Ялгузидзе на осетинский язык Катехизиса, он не имел возможности для объективной оценки заслуг первого осетинского просветителя. Миллер был первым, кто критически осмыслил написанную Ялгузидзе поэму «Алгузиани» [3].

Уже в советское время высокую оценку деятельности Ялгузидзе дал выдающийся грузинский ученый, специалист по иранским языкам, академик Г. С. Ахвледиани. Изучив его творческое наследие, Ахвледиани говорил, что Ялгузидзе «безупречно владел осетинским языком, и поэтому его тексты имеют большое значение для изучения фонетики осетинского языка» [14, 340]. В. И. Абаев также не оставил без внимания творческое наследие Ялгузидзе. Анализируя перевод «Положения о Ванатском суде», ученый подчеркнул, что текст положения правильно отражает состояние осетинского языка времен деятельности Ялгузидзе [17, 45]. Заслуживает внимания и имя Н. Бочоридзе, опубликовавшего о Ялгузидзе небольшую статью обобщающего характера. Однако автор ограничился лишь простым перечислением заголовков и ничего не говорит о содержании и ценно-

сти первых печатных памятников осетинской письменности [2, 280].

Любовь к родному народу у автора алфавита и букваря проявилась и в других сферах. Он всячески приветствовал и всеми мерами поддерживал идею дать образование в тифлиских учебных заведениях осетинским юношам. В одном прошении к ректору Тифлисской духовной семинарии от имени родителей он ходатайствует о зачислении их сыновей в семинарию. Принятых в семинарию юношей Ялгузидзе обучал сам, и при этом некоторые воспитанники семинарии пользовались его гостеприимством, хотя сам он жаловался властям на стесненные условия.

В 1822 г., когда были уже позади азбука, букварь, переведенные на осетинский язык церковные книги, стихотворения и поэма «Алгузиани», в предисловии в Четвероевангелию Иван Ялгузидзе с чувством исполненного долга обращается в своему народу трогающую душу словами, в которых «раскрывается глубокая любовь автора к своему народу и вместе с тем отражаются его мечты и заботы о культурном развитии осетин». Автор этих строк Ж. Тхостаты назвал небольшой текст предисловия «первым оригинальным памятником осетинского литературного языка самого раннего периода, поскольку он содержит элементы художественной речи» [15, 111].

Такую же высокую оценку предисловию дает исследователь творчества Ялгузидзе Дз. А. Гуткаев: «Этот незначительный по объему текст интересен в том отношении, что является первым оригинальным памятником осетинского литературного языка самого раннего периода и представляет собой нечто вроде маленького прозаического произведения... Здесь раскрывается глубокая любовь автора к своему народу и вместе с тем отражаются мечты и заботы о культурном развитии осетинского народа» [2, 312]. В действительности, в небольшом тексте раскрывается духовное кредо выдающегося просветителя, стремившегося служить культурному развитию родного народа. Это введение содержит настолько мудрые, глубоко патриотичные мысли, что

я посчитал необходимым привести их с некоторыми сокращениями:

«Меня, по происхождению осетина, маленьким мальчиком привез (в Грузию. — Л. Ч.) царь Грузии Ираклий II и отдал учиться с тем намерением, чтобы со временем вам, соотечественникам-осетинам, чем-нибудь был полезен. Я тоже, по мере сил своих, старался учиться, и слегка открылись слабые глаза моего молодого ума, вследствие чего в самой незначительной степени стал понимать грамоты на грузинском языке и узнал, что народ, не имеющий книги (письменности), лишен правильного понимания, не знает, как следует, самого себя.

Писание, делающее мудрым, обязывает всех стараться приносить пользу своим соотечественникам. Я видел между всеми народами вас, соотечественников, лишенных этого великого блага, у вас не было письменности и, думая об этом, я старался сделать попытку создать книгу на осетинском языке.

Итак, создал (вам) эту книгу, называемую на грузинском языке «Сахареба». Над ней трудился три года, день и ночь. Работу начал 15 ноября 1820 года и закончил 25 мая 1823 года.

Так я по мере сил трудился над тем, чтобы вы, мои единокровные осетины, не остались без книг (письменности) и теперь молюсь и умоляю всех, чтобы в дальнейшем вы сами и ваши дети из рода в род все более просвещались умом» [2, 313].

Какие прекрасные слова! Если бы каждый из нас «горел» такой любовью к своему народу!

Первый осетинский поэт

Особенно почитаем осетинским народом Иван Ялгузидзе как личность, заложившая начало литературному процессу в Осетии; он писал оригинальные литературные произведения — стихотворения и поэмы.

В рукописном фонде царя Грузии Григория обнаружены два стихотворения (ямбики), принадлежавшие перу Ивана Ялгузидзе. Их опубликовал Т. Рухадзе в

своей книге «Грузинский эпос в литературе переходного периода» (1939). Первый ямбик написан в виде акrostиха. Читая буквы сверху вниз по вертикали, можно прочесть: «Пусть сбудутся мечты царицы Кетеван». Второй ямбик бесформенный; строки начинаются со слова «Абон». Они посвящены супруге царя Кетеван Церетели и написаны ко дню ее рождения. Стихотворения созданы в первом десятилетии XIX в., когда Ялгузидзе был губернатором царя Григория и был близок его семье [21]. Следует отметить, что в 1811 г. Ялгузидзе переписал «Роман Талиелы» в стихах (рукопись хранится в Парижской библиотеке. В свое время Г. Д. Тогошвили и И. Н. Цховребов писали, будто им удалось обнаружить в ЦГАДА еще две рукописные книги И. Ялгузидзе [7, 33]. К сожалению, это громкое заявление ученые не смогли подтвердить документально). Однако, как бы то ни было, мы отдаем должное Ивану Ялгузидзе как первому осетинскому поэту, автору чудом сохранившейся до наших дней поэмы «Алгузиани». Как же была обнаружена поэма?

Впервые поэма появилась в грузинской печати в 1885 г. усилиями Н. Гамрекели. Она была перепечатана из единственного рукописного экземпляра, обнаруженного в 1840 г. в Нузальской часовне священником Иоанном Русишвили. От него рукопись попала в собрание рукописей Грузинского общества грамотности» [18, 20]. Обнаружив в тексте грубые ошибки и искажения, известный грузинский историк М. Джанашвили, заинтересовался поэмой, перевел ее на русский язык и опубликовал на двух языках — грузинском и русском [19]. Джанашвили удалось исправить ошибки, допущенные в первом издании. Ему же удалось установить, что «нузальский оригинал был с портретами царей Осетии и в заглавии рукописи имелась раскрашенное изображение Алгуза».

После выхода в свет работы Джанашвили в печати появились воспоминания сына Иоанна Русишвили, Григория, об этой рукописной книге. Оказывается, будучи молодым человеком, он сопровождал отца, вые-

хавшего с товарищем Бакутовым из Мцхета в Осетию с целью ревизии церковных дел. При посещении Нузальской часовни он сам видел рукопись поэмы «Алгузиани». Как вспоминает Григорий, «это был «Большая книга» длиной до 30 см, шириной — до 27 см и толщиной — 22 см. Книга была написана на бумаге. Красками в ней были нарисованы образы Бежана, Багатара и Алгузона со своими войсками. Название книги было таково: «Алгъузон — Русиани — Чараджон — Чахилани». После этой ревизии, кроме этой «Большой книги» в нашем доме появились еще два легких оружия и сабля» [20].

Итак, полное название поэмы — «Агустиан — Алгузиан — Русиан — Сарагон — Цахилон». Как полагает Г. З. Калоев, каждое из перечисленных имен, возможно, было названием отдельной главы поэмы: в Агустиане речь идет о деяниях римского императора Августа, Русиане — о присоединении Грузии к России, в Сарагоне — о царственном роде Осетии Цæразонтæ, в Цæхилоне — о сыне Алгузе. При этом ученый допускает возможность общей сюжетной канвы всего произведения [21]. Первым критически разбор опубликованной поэмы Ялгузидзе сделал В. Ф. Миллер [3]. Недостатки издания Н. Гамрекели были отмечены и известным грузинским литературоведом А. Хахановым в «Очерках по истории грузинской словесности».

Третий раз поэма была издана в Берлине в 1922 г. в русском переводе М. Джанашвили и с предисловием Гаппо Баева.

Первым, кто хотел перевести поэму на родной язык, был К. Хетагуров [12, 707]. Хотя мечта его не сбылась, само это желание говорило о высокой оценке поэтом художественного произведения. Осетинский читатель познакомился с поэмой в 1945 г. благодаря переводу Ника Ханикаева (литературная обработка Х. Ардасенова). Наиболее приближенный к оригиналу перевод поэмы на осетинский язык осуществил талантливый осетинский поэт Георгий Бестауты, в совершенстве владевший грузинским языком. Поэма «Алгъуызы кадаг» в переводе Г. Бестауты впервые вышла в Цхинвале в 1962 г. В том же переводе, под

тем же названием, вторично поэма была издана в североосетинском издательстве «Ир» в 1985 г. Выход книги на осетинском языке стал знаменательным событием. Ведь это — художественное произведение, появившееся на заре осетинской литературы и написанное этническим осетином, стремившимся к пробуждению национального самосознания своего народа.

В 1993 г. в Москве, по инициативе Ермака Ехьяевича Хадонова и при спонсорской поддержке производственно-торговой фирмы «Шанс», вышла книга под названием «Поэма об Алгузе». По существу это сборник научных материалов. Открывается книга текстом поэмы об Алгузе в русском переводе (Джанашвили) и предисловием к берлинскому изданию «Поэмы об Алгузе» Г. Баева.

Не сходятся мнения исследователей о характере произведения: оно историческое (А. Хаханов, Л. Лопатинский, М. Джанашвили) или литературное. Расходятся их суждения и о времени написания поэмы: начало VIII в. (М. Джанашвили); первая половина XV в. (Л. Лопатинский, А. Хаханов). Поскольку на оригинале рукописи поэмы не был обозначен автор, ученые долго не могли определить ни со временем написания поэмы, ни с тем, дошла ли поэма полностью или нет, какова основа ее, кто ее автор. На все эти вопросы исчерпывающий ответ дал известный грузинский литературовед, профессор К. Кекелидзе. Им установлено, что поэма написана в конце XVIII — первой четверти XIX в; она сохранилась полностью, основа ее не историческая. В ней ярко видны старинные осетинские легенды и предания, использованы грузинские источники об истории Осетии. Профессор не сомневался, что автор поэмы — христианин, знаток осетинских и древнегрузинских легенд и преданий, поставивший целью возвеличить осетинский народ. Автором поэмы мог быть человек, который в совершенстве знал не только осетинский, но и грузинский и русский языки. И профессор вычислил: им в конце XVIII — первой трети XIX в. мог быть только Иван Ялгузидзе [22].

Подробный анализ поэмы «Алгузиани» как художественного произведения пытались дать В. Миллер, Г. Баев, позже литературовед Х. Ардасенов.

Поэма «Алгузиани» — первое литературно-художественное произведение, созданное на основе народных легенд и преданий северокавказских народов, в том числе осетин. Она написана 16-сложным руставелиевским стихом, несет в себе традиции средневековой литературы и состоит из пяти глав. Поэма основана не на реальных событиях и в ее содержание нет ничего исторического. Хотя в ней и упоминаются вымышленные народы, осетинские этнографические нюансы (обряды, заплачки, легенды) придают поэме национальный характер: и по содержанию, и по имени главного героя, и по другим признакам поэма связана с Осетией. Очевидно также, что автор ее — просвещенный человек, свободно ориентирующийся в грузинской словесности и в канонах православия.

Поэма заключает в себе 1140 стихов, изложенных в четверостишиях размером шайри классического образца грузинской древней поэзии. Как подчеркивается Г. Баевым, «в стихах поэмы седое, некогда величавое прошлое Осетии встает в могучих словах прошлых времен ее расцвета и могущества» [20,18].

Содержание поэмы «Алгузиани» сводится к следующему. Старший сын греческого кесаря Августа Алгуз влюбился в красивую дочь Эстер (Этер) черкесского царя Кайрана. Отказ отца Алгуза привести в дом невестку другой веры обострил отношения сына и отца и имел следствием похищение Эстер и уход за высокие горы Кавказа. «В то время как герои большинства древних грузинских описываемых действий выхвачены и переносятся в страны Востока — Индию, Иран, Туран, Абиссинию, Арабию, даже Китай, автор песни об Алгузе держится крепко своей родины — Северного Кавказа: Осетии, Черкесии, Абхазии, Чечни, ногайско-калмыцких степей. Потому поэма глубоко национальна и глубоко интересна с исторической точки зрения» [20, 22].

Со своей стороны, оскорбленный Кай-

ран в союзе с калмыцким царем нападает на Алгуза. Одержав победу, Алгуз основал в Черкесии свое государство. В поэме создан идеальный образ героя — удачливого воина Алгуза, не знавшего поражения в боях. Он первым никогда не напал, но всегда побеждал. Алгуз — герой эпический: он мужественен, благороден, наделен необыкновенной физической силой. Его характеризуют такие качества, как доброта, вежливость. Алгуз «великодушен к побежденным врагам, не мстит им, умеет сочувствовать чужому горю, берет под свое покровительство вдов и сирот побежденных им правителей» [15, 112].

Как повествует поэма, однажды к нему явился юноша Аслан Гамрекели, который просил приюта и защиты от преследовавшего врага, Амосарского царя Ал-Искандер. Алгуз приютил Гамрекели. После отказа выдать юношу, Ал-Искандер пошел войной на Алгуза и погиб. Однако Алгуз не захватил земли побежденного царя, но дал править ими его вдове, назначив ей в помощники своего брата Куртагона. Что касается Гамрекели, то Алгуз делает его князем подвластной провинции Горанды.

По истечении семи лет Алгуз совершил поездку в подвластные владения. Все и везде его встречали как подобает, за исключением Аслана Гамрекели, который оказался коварным, жестоким и вероломным человеком. Алгуз хотел наказать неблагодарного наглеца, но тот опередил и убил его. Узнав о постигшем ее горе, и Эстер покончила с собой. Алгуза и Эстер похоронили с почестями в одной могиле.

Красной нитью сквозь поэму проходит мысль автора: «какая наша родословная, кто от кого зачался, кто из какой фамилии происходит, кто сын какого рода, кто от кого идет». Что поэма посвящена осетинской действительности, видно и из того, что в текст вкраплены народные обряды, заплачки, легенды, многое в ней и от фольклора. Поэтому произведение Ялгузидзе ценно для нас и как исторический источник.

Автор поэмы возводит свой род к Кесарю, т.е. римским и византийским императорам. Вот как он пишет: «Тогда от одного ве-

ликого Августа-Кесаря, грека, произошли прекрасные сыновья... имя одного из них Алгузон». О том, какие аргументы побудили Ялгузидзе возводить свой род к Кесарям, В.И. Абаев, со ссылкой на академика К. Кекелидзе, писал: «Это с одной стороны, осетинские народные легенды и предания, а также предания других северокавказских народов, с другой — сведения об Осетии и осетинах, разбросанные в грузинских летописях... предания о царственном происхождении некоторых осетинских фамилий во времена Ялгузидзе (конец XVIII в.) были еще в памяти народа вполне конкретными и недвусмысленно приписывали осетинским «знатным» фамилиям происхождение от византийских или римских императоров». Лучшие стороны поэмы «Алгузиани» свидетельствуют о больших творческих возможностях автора, жизнь которого так рано оборвалась.

Иван Ялгузидзе был одним из первых образованных осетин, в котором национальное сознание вспыхнуло с такой силой, что, как метко подмечено Б.В. Скитским в критический период истории Осетии (рубеж XVIII-XIX вв.), он «...в дни наибольшей слабости и унижения осетинского народа не отмежевался от своей народности, не забыл ее, а с гордостью указал на ее славное прошлое, чтобы народ мог черпать силы для возрождения в будущем» [23, 189].

Иван Ялгузидзе сторицей выполнил свой сыновний долг перед своим его народом. К сожалению, этого нельзя сказать о дюжине потомков, которые в течение прошедших двухсот сорока лет (!) ничего не предприняли по увековечению памяти выдающегося просветителя. До сих пор его имя не увековечено ни на юге, ни на севере Осетии. В настоящее время идет подготовка к юбилею Ивана Ялгузидзе в обеих частях Осетии, его наследие пропагандируется на страницах средств массовой информации, юбилейных мероприятиях, планируется открытие памятников во Владикавказе и Цхинвале. В этой связи наряду с официальными структурами властей Северной и Южной Осетии благодарственного слова заслуживает фамильный совет Габараевых.

1. Ванеев З. Н. К вопросу о происхождении И. Ялгузидзе // Труды Сталинирского пединститута. Сталинир, 1952. Вып. 1.
2. Гугкаев Дз. А. О жизни и деятельности Ивана Ялгузидзе // Известия ЮОНИИ. Сталинир, 1955. Вып. 7.
3. Миллер В. Ф. Критика и библиография // Журнал министерства народного просвещения. 1897. Октябрь
4. Ардасенов Х. Н. Иван Ялгузидзе — осетинский писатель и культурный деятель // Ученые записки СОГПИ. Дзауджикау, 1949. Т. XVIII.
5. Абаев В. И. Происхождение осетинских фамильных имен *Særazontæ* и *Æгъузатæа* // Литературная Осетия. 1987. № 69.
6. Ахвледиани Г. С. Вокруг Ивана Ялгузидзе // Фидиуаг. 1928. № 2.
7. История Южной Осетии в документах и материалах. Цхинвал, 1962. Т. 1.
8. Е. К. Краткий очерк истории грузинской церкви и экзархата за XIX столетие. Тифлис, 1901.
9. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1866. Т. I.
10. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Грузии.
11. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1878. Т. VII.
12. История Осетии в документах и материалах. Цхинвал, 1961. Том. III.
13. Бочоридзе Г. Иван Ялгузидзе // Известия ЮОНИИ. 1936. Вып. III.
14. Ахвледиани Г. С. Рукопись осетинского языка // Бюллетень Тбилисского университета. 1926. Вып. VII.
15. Тхостов Ж. Иван (Иуане) Георгиевич Ялгузидзе // Литературная Осетия. 1975. № 46.
16. Шегрен А. М. Осетинские исследования/Сост. и перев. Камболов Т. Т. Владикавказ, 1998.
17. Абайты У. Рагон ирон къухфыст // Фидиуаг. 1927. № 2. (на осет. яз.)
18. Баев Г. Предисловие к Берлинскому изданию «Поэмы об Алгузе» // Поэма об Алгузе. М., 1993.
19. Джанашивили М. Поэма «Алгузиони» // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22.
20. Цнобис Пурцели. 1898. 11 июня. (на груз. яз.)
21. Калоев Г. З. Просвещенец. К 215-летию со дня рождения И. Ялгузидзе // Рæстдзинад. 1990. Май. (на осет. яз.)
22. Кекелидзе К. История грузинской литературы Тбилиси, 1926. (на груз. яз.)
23. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // ИСОНИИ. 1947. Т. XI.